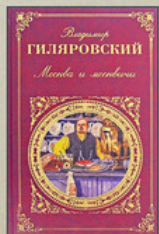

Владимир Гиляровский

Антоша Чехонте

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Владимир Алексеевич Гиляровский

Антоша Чехонте

Серия «Друзья и встречи»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172951

Москва и москвичи: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-11515-0

Аннотация

Известный московский журналист, писатель, вступивший в мир литературы вместе с А.П.Чеховым, поэт «некрасовского строя лиры», В.А.Гиляровский (1853-1935) более всего прославился среди современников как знаток и бытописец Москвы. «Дядя Гиляй», как любовно окрестил друга А.П.Чехов, знал родной город наизусть, изъездил его вдоль и поперек. И его знали и любили москвичи (и не только москвичи) всех сословий, его статьями зачитывались, к его мнению прислушивались.

Владимир Гиляровский

Антоша Чехонте

О встречах в моей юности я начал писать через десятки лет. Они ярко встали передо мной только издали. Фигуры в этих встречах бывали крупные, вблизи их разглядеть было нелегко; да и водоворот жизни, в котором я тогда крутился, не давал, собственно, возможности рассмотреть ни крупного, ни мелкого.

В те времена героями моими были морской волк Китаев и разбойничий атаман Репка. Да и в своей среде они выделялись, были тоже героями. Вот почему и писать о них было легко.

Не то – Чехов. О нем мне писать не легко. Он вырос передо мной только в тот день, когда я получил поразившую меня телеграмму о его смерти и тотчас же весь отдался воспоминаниям о нем.

Познакомился я с ним, когда он был сотрудником мелкой прессы, строчившим ради заработка маленькие этюдики и разбрасывавшим их по мелким изданиям. Мы вместе с ним начинали в этих изданиях – он писал сценки, я – стишки и тоже сценки да еще репортерствовал, что давало мне в те времена больше, чем его рассказы, мало заметные первое

время.

Сперва у нас были мимолетные встречи, а потом началась дружба. Я полюбил Антошу, и он меня любил до конца жизни, хотя последнее время мы и отделились друг от друга.

В те годы, когда он еще ограничивался мелкими сценками, еще до издания его книжки «Сказки Мельпомены», я уже занял в «Русских ведомостях» солидное положение и, кроме репортажа, печатал статьи и фельетоны.

«Русские ведомости» считались «большой прессой», и Чехов появился в этой газете только в 1893 году, после того как печатался в 1892 году в «Русской мысли» и в 1888 году в «Северном вестнике», где была помещена его «Степь», которая произвела на меня огромное впечатление. И впоследствии этот рассказ был у нас с ним одной из любимых тем для разговоров. А до «Степи» он был для меня только милым Антошей Чехонте, рассказов которого, разбросанных по газетам и журналам, я почти и не читал, – в кипучей репортерской жизни не до чтения было, да и не все газеты и журналы попадали мне в руки.

«Сказки Мельпомены» и подаренные им мне «Пестрые рассказы» меня не заинтересовали, все это было так знакомо и казалось мелочью.

Первое, что осталось у меня в памяти, – это «Каштанка», да и то тут была особая причина.

Как– то раз я вернулся из поездки домой, и мне подали «Новое время»:

– Прочитай-ка насчет Каштанки.

Заглавие было другое, но я увидел подпись Чехова и прочел эту прекрасную вещицу, напомнившую мне один из проведенных с Антошей Чехонте вечеров... А через год была напечатана «Степь», и я уверовал в талант моего друга...

Шли годы, Чехова «признали». Его приглашали к себе, добивались знакомства с ним. Около него увивались те, кто так недавно еще относился к нему не то снисходительно, не то презрительно: так, сотруди́чек мелкой прессы...

А затем у него началась связь с Художественным театром. Жить стали Чеховы богаче, кончились наши ужины с «чеховским салатом» – картошка, лук и маслины – и чаем с горячими баранками, когда мы слушали виолончель Семашки, молодых певиц и молодого еще певца Тютюника, который, маленький, стоя, бывало, у рояля, своим огромным басом выводил: «...Вот филин замахал крылом» – и в такт плавно махал правой рукой.

Шумно и людно стало теперь у Чеховых...

Иногда все-таки урывались часы для дружеской беседы, и, когда мы оставались вдвоем, без посторонних, – Чехов опять становился моим старым милым Антошей, на которого смотреть было радостно, а среди окружавшего его теперь общества мне всегда бывало как-то жаль его – чувствовалось мне, что и ему не по себе... Недаром он называл сотруди́ков «Русских ведомостей» – мороженые сиги...

– Ты – курьерский поезд. Остановка – пять минут. Буфет.

Так Чехов сказал мне однажды, еще в те времена, когда он жил в «комоде», в этом маленьком двухэтажном коттедже на Кудринской-Садовой, куда я забегал на часок, возвращаясь из газетных командировок или носясь по Москве в вихре репортерской работы.

Приходят на память эти слова Чехова, когда начинаю писать воспоминания, так непохожие на обычные мемуары. Ведь мемуары – это что-то последовательное, обстоятельное – изо дня в день, из года в год... Их хорошо писать отставным генералам, старым чиновникам, ученым на покое – вообще людям, прожившим до старости на одном месте, на одной службе.

У бродяги мемуаров нет – есть клочок жизни. Клочок там, клочок тут, – связи не ищи... Бродяжническую жизнь моей юности я сменил на обязанности летучего корреспондента и вездесущего столичного репортера. Днем завтракаешь в «Эрмитаже», ночью, добывая материал, бродишь по прифонам Хитрова рынка. Сегодня, по поручению редакции, на генерал-губернаторском рауте пьешь шампанское, а завтра – едешь осматривать задонские зимовники, занесенные снегом табуны, и вот – дымится джулун.

Над костром в котелке кипит баранье сало... Ковш кипящего сала – единственное средство, чтобы не замерзнуть в снежном буране, или, по-донскому, шургане...

Николай Рубинштейн дирижирует в Большом театре на сотовом представлении «Демона», присутствует вся Москва в

бриллиантах и фраках, — я описываю обстановку этого торжественного спектакля; а через неделю уже Кавказ, знакомые места, Чертова лестница, заоблачный аул Безенги, а еще выше, под снежной шапкой Коштан-тау, на стремнинах ледяного поля бродят сторожкие туры. А через месяц Питер — встречи в редакциях и на Невском... То столкнешься с Далматовым, то забредешь на Николаевскую, 65, к Николаю Семеновичу Лескову, то в литературном погребе на Караванной смотришь, как поэт Иванов-Классик мрачно чокается с златокудрым, жизнерадостным Аполлоном Коринфским, и слушаешь, как восторженный и бледный Костя Фофанов, закрыв глаза, декламирует свои чудесные стихи, то у Глеба Успенского на пятом этаже в его квартирке на Васильевском острове, в кругу старых народников рассказываешь эпизоды из своей бродяжной жизни бурлацкой... А там опять курьерский поезд, опять мечешься по Москве, чтобы наверстать прошедшую прогульную неделю...

И так проходила в этих непрерывных метаниях вся жизнь — без остановки на одном месте. Все свои, все друзья, хотя я не принадлежал ни к одной компании, ни к одной партии... У репортера тех дней не было прочных привязанностей, не могло быть... Прочных знакомств летучему корреспонденту тоже не было времени заводить — единственное знакомство у меня в то время, знакомство домами, было с семьей Чехова, да и то до тех пор, пока Чехов не вошел в славу.

Разные были мы с ним люди.

Я долго не мог вспомнить, как и когда началось наше знакомство и где произошла у меня первая встреча с Чеховым. Об этом он мне как-то раз напомнил сам; оказалось, что в эту первую встречу я Чехова и не заметил. Помнил только вторую, в редакции «Будильника», где редактор Н. П. Кичев представил мне симпатичнейшего юношу с заброшенными назад волосами.

– Антоша Чехонте – Дядя Гиляй. Знакомьтесь.

– Мы уже знакомы... Нас познакомил Селецкий, помните?... Вы мне еще чуть руку не сломали.

Я сделал вид, что помню.

С этого дня мы стали встречаться особенно часто в «Будильнике» и «Зрителе» у Всеволода Давыдова. Совсем друзьями сделались. Как-то за столом у меня дома, в случайном разговоре о Русском гимнастическом обществе, он сказал улыбаясь:

– Я тоже член-учредитель Гимнастического общества. Селецкий меня и брата Николая записал в учредители... Так, для счета... Вот там-то мы с тобой, Гиляй, и познакомились. Помнишь?

Так как стесняться было нечего, я сказал откровенно:

– Нет, не помню.

И рассказал Антон Павлович, как его случайно завел Селецкий, тогдашний председатель общества, в гимнастический зал в доме Редлиха на Страстном бульваре.

– Посреди огромного зала две здоровенные фигуры в же-

лезных масках, нагрудниках и огромных перчатках из всех сил лупят друг друга по голове и по бокам железными поло-сами, так что искры летят – смотреть страшно. Любуюсь на них и думаю, что живу триста лет назад. Кругом на скамьях несколько человек зрителей. Сели и мы. Селецкий сказал, что один из бойцов – Тарасов, первый боец на эспадронах во всей России, преподаватель общества, а другой, в высо-ких сапогах, его постоянный партнер – поэт Гиляровский. Селецкий меня представил вам обоим, а ты и не поглядел на меня, но зато так руку мне сжал, что я чуть не заплакал.

Чехов с тех пор так и не бывал больше в Гимнастическом обществе, но разговаривали мы о нем впоследствии не раз, а в 90-х годах он даже внес членский взнос и снова стал чис-литься членом, желая сделать мне, председателю общества, приятное. Привез я ему как-то в Мелихово список членов общества, где и его фамилия была напечатана.

– Ну, какой же я гимнаст! – сказал он, улыбаясь. – Я – че-ловек слабый, современный, а вы с Тарасовым точно из глу-бины веков выплыли. Тамплиеры! Витязи! Как тогда хлеста-лись вы мечами! Никогда не забуду. А ты и меня в гладиа-торы!.. Нет уж, куда мне!.. Да и публика у вас не по мне, – пробежал он глазами по списку членов общества.

– Нет, публика у нас простая – конторщики, приказчики, студенты. Это люди активные, ну, а те вот – Морозовы, Кре-стовниковы, Смирновы – виноторговцы и еще некоторые – только платят членские взносы.

– Значит, мы мертвые души? Люди настоящего века. А придет время, – может быть, лет через сто, – будут все сильными, будет много таких, как ты и Тарасов... Придет время!..

И несколько лет Антон Павлович числился членом общества, но никогда там не бывал, хотя ценил и любил силу и ловкость в других. Когда я приезжал в Мелихово, то обязательно и он и его отец, Павел Егорович, вели меня к лошадям, пасшимся в леваде, сзади двора, и бывали очень довольны, когда я им показывал какие-нибудь штуки по вольтижировке или джигитовке.

– Знаешь, Гиляй, пробовал я тебя описывать, да ничего не выходит, – говорил мне не раз Антоша. – Не укладываешься ты, все рамки ломаешь. Тебе бы родиться триста лет назад или, может быть, лет сто вперед. Не нашего ты века.

Разные мы с ним были люди, а любили друг друга. Я его, слабого и хрупкого, любил какой-то особой, нежной любовью. И как радостны бывали наши встречи! В юные годы мы очень часто виделись. Раз, в 1882 году, целую неделю вместе работали в окружном суде на деле Скопинского банка – известном процессе, который вел прокурор С. С. Гончаров. Антон Павлович писал заметки об этом процессе в «Петербургской газете» под псевдонимом Рувер.

Много в Скопине воров,
Погубил их Гончаров! —

острил Чехов.

В 1884 году я женился, наши семьи познакомились. Помню, как-то в субботу, получив в «Русских ведомостях» гонорар за неделю, что-то около ста рублей, я пришел в «Будильник» и там встретил Чехова. На его долю гонорара в «Будильнике» пришлось что-то мало, а я похвастался деньгами.

– Ну так вот – пеки пирог у себя и скажи Марии Ивановне, что мы все придем. И Левитана приведем...

Под влиянием разговоров о Крыме Левитан, найдя на моем столе альбом, сделал в нем во время общей беседы два прекрасных рисунка карандашом: «Море при лунном свете» и «Ветлы». Тотчас после него Николай Павлович Чехов нарисовал в альбоме красным, черным и синим карандашами великолепную женскую головку. Антон Павлович, долго смотревший на художников, сказал:

– Разве так рисуют? Ну, головка! Чья головка? Ну, море! Какое море? Нет, надо рисовать так, чтобы всякому было понятно, что хотел изобразить художник.

Он взял альбом. Рисунок, готовый через несколько минут, был встречен общим хохотом. Антон Павлович, отдавая мне альбом, сказал:

– Береги, Гиляй, это единственное мое художественное произведение: никогда не рисовал и больше никогда рисовать не буду, чтобы не отбивать хлеб у Левитана.

На рисунке изображена была гора, по которой спускается

турист, в шляпе и с палкой, башня, дом с надписью «Трактир», море, по которому плывет пароход, и в небе – птицы; внизу – надпись: «Вид имения „Гурзуф“ Петра Ионыча Губонина», а кроме того, везде были пояснения: «море», «гора», «туристы», «чижи»...

Первые годы в Москве Чеховы жили бедно. Отец служил приказчиком у галантерейщика Гаврилова, Михаил Павлович и Мария Павловна учились еще в гимназии. Мы с женой часто бывали тогда у Чеховых – они жили в маленькой квартире в Головином переулке, на Сретенке. Веселые это были вечера! Все, начиная с ужина, на который подавался почти всегда знаменитый таганрогский картофельный салат с зеленым луком и маслинами, выглядело очень скромно, ни карт, ни танцев никогда не бывало, но все было проникнуто какой-то особой теплотой, сердечностью и радушием. Чуть что похвалишь – на дорогу обязательно завернут в пакет, и отказываться нельзя. Как-то раз в пасхальные дни подали у Чеховых огромную пасху, и жена моя удивилась красоте формы и рисунка. И вот, когда мы собрались уходить, вручили нам большой, тяжелый сверток, который велели развернуть только дома. Оказалось, в свертке – великолепная старинная дубовая пасочница.

Мы с Антоном работали в те времена почти во всех иллюстрированных изданиях: «Свет и тени», «Мирском толке», «Развлечении», «Будильнике», «Москве», «Зрителе», «Стрекозе», «Осколках», «Сверчке». По вечерам часто со-

биралась у Чеховых небольшая кучка жизнерадостных людей: его семейные, юноша-виолончелист Семашко, художники, мой товарищ по сцене Вася Григорьев, когда Великим постом приезжал в Москву на обычный актерский съезд. Мы все любили его пение и интересные рассказы, и Антоша нередко записывал его меткие словечки, а раз даже записал целый рассказ о случае в Тамбове, о собаке, попавшей в цирк. Это и послужило темой для «Каштанки».

В 1885 и 1886 годах я жил с семьей в селе Краскове по Казанской дороге, близ Малаховки. Теперь это густо населенная дачная местность, а тогда несколько крестьянских домов занимали только служащие железной дороги. В те времена Красково пользовалось еще разбойничьей славой, деля ее с соседней деревней Кирилловкой, принадлежавшей когда-то знаменитой Салтычихе. И из Кирилловки и из Краскова много было выслано крестьян за разбои в Сибирь. Под самым Красковым, на реке Пехорке, над глубоким омутом стояла громадная разрушенная мельница, служившая приютом «удалым добрым молодцам». В этом омуте водилась крупная рыба и, между прочим, огромные налимы, ловить которых ухитрялся только Никита Пантюхин, здешний хромой крестьянин, великий мастер этого дела. На ноге у него много лет была какая-то хроническая гниющая рана, которую он лечил, или прикладывая ил из омута и пруда, или засыпая нюхательным табаком. Никита сам делал рыболовные снаряды и, за неимением средств на покупку свинца, упо-

треблял для грузил гайки, которые самым спокойным образом отвинчивал на железнодорожном полотне у рельсов на местах стыка. Что это могло повлечь за собой крушение поезда, ему и на ум не приходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.